

Новейшая история

УДК 94(430) «1918»

Машкин М.Н.

Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1918 г.

M. Mashkin

Russian Academy of Sciences, Institute of World History, Moscow

COLONIAL AIMS OF KAIZER GERMANY IN 1918

Аннотация. В статье поставлен вопрос о колониальных целях кайзеровской Германии в 1918 г. Автор на основании вводимых в научных оборот архивных материалов характеризует колониальные устремления кайзеровского режима как весной, так и в апреле-октябре 1918 г., накануне поражения в войне. Подробно проанализированы материалы к подготовленному в 1918 г. в Ведомстве иностранных дел Германии проекту мирного договора с Францией и Англией, который предполагалось заключить в случае военной победы над ними.

Ключевые слова: Первая мировая война, колониальные цели, Ведомство иностранных дел Германии, Военное министерство Германии.

Abstract. The article highlights the colonial aims of Kaiser Germany in 1918. On the basis of the new archive materials introduced into scientific circulation the author defines the regime's colonial aspirations both in the spring of 1918 and in April-October of 1918, just on the eve of the defeat in the war. The article presents a detailed analysis of the peace treaty draft with France and England, which was worked out by the War Ministry of Germany in 1918. The treaty mentioned was to be concluded in case of Germany's military victory over them.

Key words: World War I, colonial aims, the Federal Foreign Office of Germany, the War Ministry of Germany.

В борьбе кайзеровской Германии за мировую гегемонию ее колониальные цели накануне и во время Первой мировой войны играли очень видную роль. О колониальных целях Германии неоднократно писалось в литературе по истории Первой мировой войны, объемы которой в настоящее время трудно обозримы. Однако по-прежнему актуально мнение известного профессора Гамбургского университета Фрица Фишера, что военные цели кайзеровской Германии, равно как и многие другие вопросы истории войны, исследованы еще далеко не в такой полной мере, как это полагали некоторые авторы [2, S. 249].

Видное место вопрос о колониальных целях занимал в очень интересной книге Ф. Фишера [3], являющейся подтверждением его точки зрения о плодотворности изучения этого аспекта военных планов. В книге Ф. Фишера колониальные цели впервые были проанализированы с очень большой полнотой и последовательностью. Историк изучил развитие колониальных целей на протяжении всей войны, показал, в частности, рассматривая колониальные программы 1918 г., непрерывность в этих целях как в 1914, так и в 1918 гг., отметив, что «весной 1918 года казалось после заключения мирных договоров на Востоке и первых успехов большого наступления на Западе, что приближается момент победоносного окончания войны и

что возможна реализация немецких колониальных целей». Колониальные цели, – продолжает Ф. Фишер, – были в 1918 г. заново сформулированы, и была надежда теперь добиться их воплощения в жизнь вопреки Англии и Франции, что показывает стремление заинтересованных лиц быть ясно понятыми и в верховном командировании, и, прежде всего, в имперском руководстве, в колониальном ведомстве [3, S. 785].

Подробно изложив колониальные программы, Ф. Фишер приходил к выводу, что они показывают «глобальный аспект немецких притязаний стать мировой державой и добиться мирового положения» [3, S. 792]. Вместе с тем Ф. Фишер считал, что ««однако», в политике военных целей Германии колониальные цели играли только второстепенную роль, так как рассчитывали при победе Германии достичь их почти само собой. Полностью на переднем плане был европейский базис, который ...рассматривался как основа заморской политики» [3, S. 791].

Подобная определенность вывода Ф. Фишера вызывает некоторые возражения и, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Рассмотрение материалов к подготовленному в 1918 г. в Ведомстве иностранных дел мирному договору с Францией и Англией, который кайзеровская Германия намеревалась им продиктовать, позволяет нам высказать эти сомнения.

Германская армия на Западном фронте 21 марта 1918 г. начала крупное наступление в расчете на «последнюю победу» и 6 апреля добилась известных успехов, по существу носивших тактический характер, но не поколебавших уверенность германского верховного командования в победе. «События последних месяцев, – заявил тогда, 31 марта 1918 г., начальник Генерального штаба фельдмаршал Пауль Гинденбург, – свидетельствуют, что победа не может быть вырвана у нас».

Как раз в эти дни, когда снова взметнулась волна колониальных требований, 6 апреля 1918 г. Ведомство иностранных дел, находясь во власти иллюзий о победе Германии в войне, направило подробно разработанную про-

грамму мирного урегулирования военным руководителям¹. Эта программа была воплощением экспансионистских целей, выдвинутых еще ранее.

Например, Густав Крупп фон Болен в ноябре 1914 г. в крайне шовинистическом тоне сформулировал очень широкую программу военных целей, которая предусматривала установление господства Германии в Европе на основе консолидации так называемой «Срединной Европы (Mitteleuropa), создание немецкой колониальной империи в Африке и так далее. Программа Круппа была повторением общих программных требований монополистических кругов.

Председатель Пангерманского союза Генрих Класс еще в первые недели войны 1914-1918 гг. разработал детальную записку о военных целях, которая в октябре 1914 г. была одобрена руководством Союза. Докладная записка предусматривала включение в состав Германской империи: на Западе – Бельгии, Люксембурга, части Франции и военно-морской базы Тулона, на Востоке – Прибалтики. Промышленные предприятия в этих районах передавались германским предприятиям. Часть населения выселялась, оставшееся население районов Бельгии и Франции должно было поставлять рабочую силу на крупные германские предприятия, но эти рабочие не имели бы никаких политических прав. В состав Польского королевства, передаваемого Габсбургами, предполагалось включить территорию до Днепра. Класс требовал большой контрибуции с побежденных и создания крупной колониальной империи в Африке, куда, кроме немецких колоний, должны были войти Марокко, Сенегамбия, Бельгийское и французское Конго, а также получение многих опорных пунктов для германской экспансии – в Бизерте, на Мадагаскаре, Азорских

¹ Историко-дипломатический архив МИД. Ф. 419/5, Kopie der Denkschrift des Auswärtigen Amtes (Auswärtiges Amt an. K. Stab, Berlin, 6. April 1918, N 876/18. Gen.A-8) Anlage zur Kopie des Briefes von dem preupischen Kriegsminister General-Leutnant Heinrich Scheuch an den Reichskanzler Max Prinz vom Baden (Der Kriegsminister an den Reichskanzler. Berlin, 16 Oktober 1918, Geheim. 7734/18. g.A.I.).

островах, в Джибути, Гоа, Цейлоне, Сайгоне и так далее. Докладная записка Класса, в составлении которой принял участие директор концерна Круппа Гугенберг, а сам Густав Крупп был с нею ознакомлен, оказала большое влияние на формулирование военных целей различными организациями германских экспансионистов во время войны 1914-1918 гг. Правительственная программа военных целей в отдельных деталях отличалась от программы пангерманцев.

Основным содержанием пространного документа о будущем мире, авторы которого исходили из предпосылки о неизбежности победы Германии, были «Экономические требования по мирному договору с Великобританией» и «Экономические требования по мирному договору с Францией». Колониальные цели германского экспансионизма занимали здесь очень видное место, и подробное их рассмотрение представляет собой большой интерес. Развивая проекты, представители с Вильгельмштрассе выдвигали требование о создании крупной немецкой колониальной зоны между Атлантическим и Индийским океанами. «Для округления немецких владений в Африке речь идет о связи между Германской Восточной Африкой и Юго-Западной Африкой», – указывалось в записке.

Однако это «округление» предусматривало отнюдь не местное, пограничное урегулирование, а охватывало важнейшие территории Экваториальной Африки. В первую очередь это касалось бельгийских колоний, «по меньшей мере, к Германии, – подчеркивалось в записке, – должно было бы перейти Бельгийское Государство Конго, включая область Катанги, на которую сейчас Англия из-за ее больших богатств меди наложила секвестр». Таким же определенным был тон и в отношении французских колоний, когда говорилось, что «в Африке для округления германской центральноафриканской империи речь шла бы о Французской Экваториальной Африке». Тон в отношении английских или находившихся под британским влиянием колоний в этом районе был далеко не такой определенный, и авторы записки говорили только о по-

желаниях: «присоединить к этому, если возможно, Уганду, Анголу и Северную Родезию, что представляло бы во всяком случае очень большую ценность». Таковыми представлялись на Вильгельмштрассе контуры будущей колониальной германской империи в Центральной Африке.

Одновременно авторы этого документа много внимания уделили Марокко. Марокко в начале XX в. выдвинулась в качестве одного из важнейших направлений германской экспансии. Борьба за Марокко сыграла большую роль в углублении франко-германского антагонизма накануне войны. Марокканский вопрос оказал большое влияние и на развитие международных отношений в годы предшествующие войне, сыграл свою роль в консолидации двух антагонистических блоков держав. Отступив в Марокко накануне войны, правящие круги кайзеровской Германии отнюдь не отказались от своих планов. Поэтому и в рассматриваемом нами документе среди проектируемых требований к Франции подчеркивалось, что в колониальных вопросах «самым важным является урегулирование отношений в Марокко. Для Франции Марокко, во-первых, принимается во внимание как страна (получения) сырья и место сбыта». Отмечается, что только за один год, с 1 июля 1916 г. по 1 июля 1917 г. из французской зоны Марокко было вывезено 40 тыс. т. пшеницы, 160 тыс. т. ячменя, 415 тыс. кукурузы, на 9 млн. фр. яиц. В 1916 г. из Марокко во Францию было вывезено товаров на 60 млн франков, а ввезено из Франции на 173 млн. фр., таким образом, торговый оборот составил более 246 млн. франков. «Марокко, во-вторых, учитывается во Франции как человеческий резервуар, оно может направить во Францию черные вспомогательные войска для замены уменьшающегося населения».

Отсюда в документе следовал вывод: «Таким образом, необходимо требовать заявления о независимости Марокко и гарантий в том, что эта независимость не останется только на бумаге». Однако «независимость» Марокко мыслилась авторами записки в первую очередь для укрепления там герман-

ского капитала: «Так, нужно отметить положение о горном деле от 30 января 1914 года (Reichsanzeiger vom 13.2.1914). Это положение предусматривает налог, который является запретительным и делает разработку немецких концессий экономически невыгодным. Несостоятельной является отговорка об одинаковом налоге для французских концессий, так как в обозримый период времени Франция не думает разрабатывать эти концессии; она в достаточном количестве обладает собственной железной рудой и к тому же очень богатыми месторождениями в Алжире и Тунисе, разработка которых едва началась. 3%-ная вывозная пошлина также слишком высока для того, чтобы немецкие горные предприятия могли быть экономически целесообразными. Наконец, необходимо отметить регламент об арбитраже от 30 января 1914 г. (Reichsanzeiger vom 14.2.1914), по которому немецкие концессии подчинены арбитражу, который... в действительности направлен против Германии. Таким образом, необходимо просто-напросто поставить требование о признании немецких концессий, без...какого-либо арбитража».

При восстановлении действия договоров, заключенных до войны между Германией и Францией, записка рекомендовала соблюдать «наибольшую осторожность», «в особенности потому, что Франция открыто нарушила свои обязательства по Альхесирасскому трактату и соглашению о Марокко 1911 года».

Очень большое значение в будущем мирном урегулировании придавалось в записке проблеме снабжения Германии сырьем и продовольствием. «После заключения мира не будут во многих областях достаточными мирные запасы сырья и продовольствия, чтобы полностью покрыть мировое потребление», – указывалось в записке. В связи с этим авторы записки предлагали принять меры к предотвращению того, чтобы «наличные запасы использовались отдельными странами за счет Центральных держав».

В связи с этим подчеркивалась необходимость требовать «военного возмещения (Kriegsentschädigung) со стороны Великоб-

ритании, Франции, Бельгии именно путем поставки сырья, а не в денежной форме. Наибольшее внимание при этом было уделено Франции. В частности высказывается желание, чтобы «правительство Франции, когда оно само имеет определенное сырье, было обязано мирным договором к его поставкам в Германию». И снова Марокко выдвигалось здесь вперед, так как указывалось: «в особенности имеются в виду в качестве такого сырья северо-африканские фосфаты».

Предлагалось наряду с переходом к Германии бассейна Лонг-ви-Брие добиваться обязательных поставок в качестве военного возмещения (Kriegsentschädigung), которое нужно было получать в натуре, а не в валюте. Однако авторы предложений учитывали все-таки и невозможность получения сырья «без возмещения» (ohne Entgelt) и поэтому предлагали поставку с оплатой и в кредит на 3-5 лет в условиях восстановления взаимной торговли.

В записке был разработан вопрос о возмещении Францией «ущерба» и нарушенных «прав» и в отношении заморских немцев и особенно немцев в Марокко. «Здесь недостаточно простого денежного возмещения, больше всего нуждается в восстановлении значение немецкого имени, которое тем оскорблено, что во многих случаях право надзора и командование над немцами получали цветные, (Farbigen)». Проникнутые расистскими и великодержавными идеями авторы записки настаивали и на «восстановлении чести немцев, что должно иметь место путем специального оказания почестей цветными по отношению к немцам, подвергшимся плохому обращению», причем «в случае, если немцы тем временем были бы переведены в европейские концентрационные лагеря, то такое оказание почестей должно было бы последовать в иной форме».

Марокко, таким образом, и здесь выступало в качестве очень важного объекта военно-колониальных целей кайзеровской Германии в Африке. Наряду с укреплением позиций Германии в Африке за счет побежденной Франции авторы записки, готовясь к победе и над английскими конкурентами, мечтали

нанести решающий удар и по английским имперским коммуникациям позициям Англии в Северной Африке, выдвигая положение об изгнании Англии из Египта: «должно быть выдвинуто требование о возвращении Турции Египта, далее, должно быть поставлено требование об уступке части акций Суэцкого канала». Причем если эти требования к Англии в записке еще имели оттенок пожеланий и размеры их еще ставились, следовательно, в зависимости от переговоров, то требование к Франции по вопросу Суэцкого канала было сформулировано уже куда более определенно: «Германии должна быть передана соответствующая доля акций Суэцкого канала или введена по соответствующему договору часть новых акций для Германии».

В записке речь шла и об изменении статуса английских морских баз на Средиземном море: Гибралтара и Мальты, причем если о Гибралтаре говорилось совершенно определенно («Гибралтар передается Испании»), то о Мальте было сказано в более приглушенном тоне (говорилось о выдвигании требования о передаче Мальты). Причем этот вопрос был в какой-то мере связан с вопросом об Италии как союзнике Германии в прошлом и, может быть, в будущем: «Возможно с виду здесь будут иметь объекты компенсации для переговоров с Италией».

Требование «равноправия», трактуемого очень широко, и свободного доступа германских судов в порты Англии, Франции и их колоний, возможная передача кораблей Германии, уступка ей угольных станций и так далее имело целью установление гегемонии на морях. И снова требования к Франции были сформулированы в наиболее жесткой форме. В разделе о «судоходстве» «экономических требований» к Франции специально подчеркивалось: «В первую очередь должен быть введен принцип равноправия... Должен быть предоставлен доступ к французским гаваням и гаваням французских колоний немецким кораблям, так же как и французским. Равноправие, – подчеркивали авторы записки, – должно распространяться в особенности на право в любом порту погру-

жать и разгружать пассажиров и грузы, далее – получать места якорных стоянок, погрузки, выгрузки и ремонта, использования общественных учреждений, мест взимания платы за пассажиров кораблей и за грузы, таможенных формальностей и обращения с командами корабля...». Наряду с этим выдвигалось предложение потребовать передать Германии корабли: «от военного положения будет зависеть возможность требования о передаче судов в качестве военного возмещения». Рассматривался и вопрос об угольных станциях, правда, все-таки, не в особенно определенной форме: «Если будет возможно добиться уступки угольной станции, о расположении которых должно быть заслушано имперское Морское ведомство, то надо это требование выдвинуть. Если же такая уступка будет невозможной, то надо потребовать во всяком случае нейтрализации соответствующих угольных станций, одновременно поставив их под общий контроль».

Значительно более определенными были требования морских баз от Франции в морях Тихого океана. В записке прямо указывалось на «требование передачи Таити в качестве опорного пункта для флота в Южном океане».

Значительно более сложным было решение в этой записке вопроса о германских базах в Китае. Как известно, кайзеровское правительство всячески стремилось оторвать Японию от Антанты. Германские дипломаты, например, в Китае в конце 1915 г. специально указывали японским, что «успешная борьба Германии с Англией – в интересах Японии» и что «Германия, имея перед собой важные задачи на Ближнем Востоке, готова не преследовать никаких политических целей в ущерб Японии на Дальнем Востоке», как об этом заявил министру иностранных дел японский посол [1, с. 112]. С такой политической линией в отношении японских захватов в Китае связана и позиция Ведомства иностранных дел в отношении базы Цзяо-Чжоу (Кяо-Чао). В рассматриваемом здесь документе Ведомство иностранных дел не настаивало на «правах» в отношении Цзяо-Чжоу. В материалах к мирному договору с Англией этот вопрос

был рассмотрен довольно подробно, где отмечалось: «Нельзя просто отказаться и от Кяо-Чао, во всяком случае, надо получить за это какую-либо замену. Этот вопрос во всяком случае должен быть обсужден во время переговоров с Японией. Все-таки будет полезным этот вопрос обсудить уже во время переговоров с Англией, и от Англии потребовать замены за уступку Кяо-Чао, для того, чтобы Германия по отношению к Японии и чтобы Англия за поведение Японии была бы ответственной» (так в тексте. – М.М.). Были намечены и центры германских захватов в Китае. «В качестве замены Кяо-Чао, – заявлялось в записке, – имеется в виду португальское Макао, которым также Англия может распоряжаться и далее имеется в виду уступка французской концессии в Шанхае, французской опорной морской базы Гоуань-Чжоу-вань или Ханькоу». В материалах к договору с Францией было сказано кратко и определено: «Если Кяо-Чао будет возвращено, то в качестве возмещения надо требовать уступки французской концессии в Шанхае, так же как французской опорной морской базы Гоуань-Чжоу-вань».

Таким образом, обширные колониальные цели кайзеровской Германии были сформулированы здесь вполне отчетливо и определено. Совершенно естественно, что в подобных условиях авторы записки требовали безусловного возвращения германских колоний.

В записке был подробно разработан вопрос «о восстановлении собственности германских граждан, отторгнутой в результате военных законов», причем опять большое внимание было уделено взаимоотношениям с Францией. Со ссылкой на ст.3 Гаагской конвенции в записке выдвигались требования о «принципиальном» восстановлении собственности германских граждан. Симптоматично, что и здесь исключительно внимание уделяется немецкой частности собственности в колониях. В записке специально подчеркивалось: «Это (т. е. восстановление собственности. – М.М.) должно обязательно иметь место для владения землей в заморских странах. Владение тамошними факториями, складами, пунктами

выгрузки и перегрузки товаров, благодаря их положению, вообще во многих случаях делает возможной и торговлю в соответствующих районах». Вместе с тем в записке указывалось и на то, что «по крайности может возникнуть вопрос в единичных случаях и о передаче пострадавшей фирме взамен определенной территории равноценной».

Эти подготовительные материалы к мирному договору-диктату, таким образом, очень наглядно свидетельствуют о колониальных устремлениях официальной Германии. Интересно, что Ведомство иностранных дел постаралось использовать отдельные положения из программы в 14 пунктах президента США Вудро Вильсона, где, в частности в пунктах 2 и 3, прокламировалась абсолютная свобода судоходства и отмена всех ограничений в международной торговле или в пункте 5 заявлялось о разрешении колониальных проблем, т.е. использовались именно т. е. пункты, которые были направлены против монопольного положения английских и французских конкурентов как США, так и Германии.

Колониальные цели продолжали широко дебатироваться и в последующие месяцы 1918 г. Даже в драматические для кайзеровской Германии дни, когда новое правительство принца Макса Баденского уже заявило в своей ноте президенту США о принятии его программы как основы для мирных договоров, накануне разгрома 16 октября 1918 г. эту записку наряду с другими предложениями о подготовке мирных переговоров направил принцу Макс Баденскому военный министр генерал Генрих Шойх¹, указав, правда, что материал «был составлен некоторое время назад с точки зрения самого благоприятного тогда военного положения. При современной неопределенности и при том, что дальнейшее развитие событий нельзя предусмотреть, – указывалось в письме, – новая обработка не предусматривается для того, чтобы иметь

¹ Историко-дипломатический архив МИД. Ф. 419/5, Kopie des Briefes von dem Kriegsminister H. Scheüch an den Reichskanzler Max Prinz von Baden (Der Kriegsminister am den Reichskanzler. Berlin. 16. Oktober 1918. Geheim № 773/18 g.A.1).

взгляд на различные возможности». В письме военного министра в то же время подчеркивалось, что «от обстановки в момент начала мирных переговоров будет зависеть насколько будет возможно считаться с отдельными пунктами (этих материалов – М.М.) и проводить их мирных переговоров».

Наряду с запиской Ведомства иностранных дел к письму военного министра был приложен «перечень вопросов, рассматриваемых при подготовке мирных переговоров»¹, который также был составлен, исходя из предположений о неизбежности победы Германии и где, в частности, выдвигались требования об оккупации немецкими войсками иностранных территорий и т. д. и т. п. Среди этих требований не может не привлечь внимание постановка вопроса о французском Иностранном легионе, когда предполагалось «воспрепятствовать зачислению немцев в Иностранный легион». Военное министерство полагало, что «надо стремиться к тому, чтобы Франция обязалась по мирному договору не зачислять немцев в Иностранный легион. Необходимо воспрепятствовать тому, чтобы в будущем немцы при проигрышах, как это достаточно известно вербовались бы в Иностранный легион и использовались Францией для колониальных завоеваний». «Заключение мира с Францией должно теперь дать возможность наложить на Францию вышеизложенное обязательство, – подчеркивалось в этой записке.

Таким образом, вопрос о вербовке немцев в Иностранный легион был связан здесь в первую очередь с борьбой против колониальной политики французских конкурентов.

Генерал Шойх в своем письме Максуденскому даже в условиях неминуемого поражения кайзеровской Германии настаивает на необходимости при выработке условий для мирных переговоров из военных соображений обратить наибольшее внимание на гарантии обеспечения Германии в необходимых размерах сырьем, продовольствием и

полуфабрикатами. Характер таких гарантий и их связь с колониальными устремлениями ясно видны из разработанной уже записки Ведомства иностранных дел.

Точка зрения Ведомства иностранных дел и Военного министерства по колониальному вопросу нашли свое выражение и во взглядах некоторых лидеров социал-демократической партии Германии, вроде Пауля Лёбе, которые, разрабатывая программу мероприятий в связи с окончанием войны, тоже требовали «восстановления немецкой колониальной области» [4]. Такая точка зрения некоторых лидеров социал-демократии явилась логическим развитием колониалистской тенденции в рядах рабочего движения Германии. Эта тенденция проявилась ясно уже в 1884-1885 гг., когда газета «Berliner Volksblatt» писала, что она не является противницей колониальной политики и что германская колониальная политика призвана дать рабочим хлеб и защиту за границей. На всех этапах истории германской социал-демократии колониалистская тенденция была противопоставлена антиколониализму. Марксистский антиколониализм вел борьбу с колониализмом и его идеологией, но в условиях кайзеровской Германии ему так и не удалось одержать победу, хотя, конечно, в английском, французском или голландском рабочем движении роль колониалистских воззрений и борьба имели значительно большее значение.

Рассмотрение здесь некоторых аспектов колониальной проблемы в Германии в 1918 г. свидетельствует о большой роли колониальных целей для стремившейся к мировой гегемонии Германии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сазонов-Малевскому 29/16 января 1916 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. Т. X.
2. Fischer F. Deutsche Kriegsziele, Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914-1918 // Historische Zeitschrift. – 1959. – Bd. 188. – Heft 2.
3. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Düsseldorf, 1962.
4. Nachlaß vom P. Löbe. Gedrucktes Blatt ohne Titel mit der Korrektur vom P. Löbe und Marginalien von Ph. Scheidemann.

¹ Историко-дипломатический архив МИД. Ф. 419/5, Kopie des Zusammenstellung von Fragen, die zur Vorbereitung der Friedensverhandlungen mit den Westmächte im Betracht kommen (Anlage zu Nr. 773/18 g.A.I.)